

Винниченко Александр

12+

СОРОКА ДЖОН И ПОХИТИТЕЛЬ ДУШ

ВОР ПРОТИВ ВОРА

Александр Александрович Винниченко Сорока Джон и Похититель душ. Вор против Вора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40161972

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказ неминуемо заставит Вас испытать весь спектр эмоций: будет смешно, страшно, грустно, радостно и снова смешно. История вернет читателя в детство, но также затронет серьезные взрослые вопросы. События, описанные в книге, происходят в постапокалиптическом будущем в небольшом уютном и странном городке. Главный герой 10-летний сирота и вор по прозвищу Сорока узнает страшнейшую тайну города и, рискуя собственной жизнью, отправляется в опасное приключение с целью вернуть своим друзьям похищенные у них души. Дорогие друзья, прошу вас оставлять свои отзывы и оценки, это поможет мне понять, стоит ли продолжать писать для Вас рассказы)

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	24
Глава четвертая	33
Глава пятая	42
Глава шестая	51
Глава седьмая	55
Эпилог	78

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com> по лицензии ССО

Ты никогда не знаешь, что приготовила тебе судьба, но тебе непременно придётся всё это съесть.

Глава первая

Два пальца за рыбу

Эта история произошла в то самое нелегкое время, когда человеку (как виду) приходилось несладко. Мы столкнулись с собственными демонами, которые уже очень давно рвались наружу. В результате, потеряв 70% населения Земли и оставив шумными оживленные города лежать века в виде руин, человечество попыталось восстановить тот самый оазис, которым оно обладало, но не ценило.

Ни июльский пыльный зной, ни палящие лучи полуденного солнца никоим образом не могли помешать двум босоногим мальчуганам завершить их разгоревшуюся партию в карты. Они комфортно разместились на паре ступенек у дверей опустевшего подъезда давно надежно заброшенного трехэтажного дома, расположенного неподалеку от центра города. Рядом подзывал прохожих хорошо всем знакомый продавец хот-догов. Вот уже шесть лет подряд он, подобно британскому королевскому караульному, изо дня в день занимал свой пост между круглым пустым фонтаном и треснувшим, как перезрелый арбуз, зданием центрального банка. Весь мокрый от пота усатый владелец тележки с фаст-фудом тщетно пытался укрыть свое тучное шарообразное тело в прозрачной тени небольшого голубого зонта. Редко проез-

жающие мимо машины оставляли за собой пыльный след, удручающий всякого прохожего, кроме двух юных картежников.

Игра была отложена на время по причине вовлечения в крайне серьезную беседу. Внешние раздражители были игнорированы двумя десятилетками. Мальчик, который был посветлее, имел важный вид. Он сосредоточенно и серьезно вслушивался в детали истории, повествуемой его приятелем. Подпирая большим пальцем левой руки подбородок, а указательным упираясь в губы и слегка наклонив голову на бок, он действительно создавал впечатление смышлённого не по годам мальчика. Его манеры, прямоугольные очки, правильная осанка, одежда и аккуратная короткая с зачесом на правую сторону стрижка послужили предпосылками для рождения его прозвища. Все звали его Умник.

Прозвища в кругах мальчишек никогда не были редкостью, а в компании этих местных разгильдяев подбирались с очень большой точностью, и потому нередко подходили им лучше, чем собственные имена. Умник был хорошо одет, что являлось редкостью в то время. На нем была синяя клетчатая рубашка и практически новехонькие джинсовые бриджи. Девятилетний зеленоглазый блондин был гордостью своей семьи, а с появлением наручных часов на запястье, стал еще и символом родительского достатка.

На самом деле, в то сложное бедное время люди делились на три группы: те, кто почти ни в чем себе не отказывали

(семья Умника была из таких); те, кто мог себе позволить немного и абсолютно нищие бездомные, побирающиеся в помоях обездоленные. Такое разделение произошло по причине практически полного вымирания человечества в 2048 году.

После того как цивилизация, достигнув пика своего развития, пришла в упадок, современное общество потерпело крах. В результате тотального экономического кризиса и последовавших за ним затяжных кровавых войн в мире осталось всего три крупных города-миллионера, пара сотен городишек и множество мелких полудиких колоний. Город Н***, в котором жили Умник, Сорока и их друзья, попадал под категорию небольших городов.

– ...Сом? – переспросил Умник своего оппонента по картам.

– Сом. – Совершенно спокойно ответил Сорока.

– По локоть? – с легким недоверием продолжал допрос Умник.

– По локоть. – Абсолютно спокойно и, глядя прямо в глаза, отвечал Сорока, – За свои десять с половиной лет я много рыбы повидал, но эта – определенно была самой вкусной.

Друга Умника прозвали Сорокой, на самом же деле этого черноволосого голодранца звали Джон Хаф. Джон целиком и полностью принадлежал третьей группе населения: был бедным, бездомным, и сиротой. Имя ему придумал Стивен Мордсон – хмурый пятидесятилетний работник пресса на

металлической свалке – по большей части, ныне бесполезных для человека вещей. Там же Стивен и обнаружил маленького годовалого Сороку, плотно завернутого в тонкое грязное вафельное полотенце и аккуратно помещенного в картонную коробку, судя по всему, в прошлом служившей домом для пары отличных крупных ботинок. Уловив крик младенца, доносившийся из коробки под дверью вагончика работников мет-свалки, хмурый Стивен оказал очень дорогую услугу Джону – спас его только недавно зародившуюся жизнь. Какое-то время хмурый Стивен выплачивал больнице н-ные суммы денег, которых было достаточно для правильного ухода за малышом, но время было страшное и совершенно бедное. Потому, спустя год и два месяца Стивену Мордсону пришлось отказаться от содержания еще одного ребенка в его и без того непростой жизни. Наконец-то его драгоценная супруга смогла выдохнуть с облегчением. «Но куда деть ребенка?!» – мысли, не дающие покоя, шумно вертелись в голове Стивена. Тогда он вспомнил собак со свалки, которых подкармливали коллеги, и забрал маленького Джона из больницы жить в рабочий вагончик. Раз собак начальство не гонит со свалки, может, и мальчика не тронут.

Когда Джону Хафу было полных пять лет, Хмурый Стивен ушел из жизни, навсегда покинув сироту вновь одного в проклятом Богом месте. Сердечный приступ застал работагу за любимым делом – в момент прессовки металлического хлама. Он просто внезапно вывалился из своей кабины и

больше никогда не встал.

Директор свалки прознал о мелком приживале и запретил Джону жить в вагончике. Но с территории все же гнать не стал. Нужно понимать, что в то время люди умирали от голода и болезней повсеместно, и позволив мальчику продолжать считать свалку своим домом, начальство показало себя несказанно милосердным. Хоть никто и не верил, что малыш долго протянет в таком месте.

Но Джон обладал величайшей любовью к жизни и уходить из нее никуда не собирался. Несчастный и исхудалый, он нашел в одной из гор старых ржавых авто маленький лаз, в который смог бы пробраться далеко не каждый. Мальчик стал жить внутри огромного старого фургона, заваленного различным мусором, вроде ржавых кондиционеров, старых авто, стиральных машин и рефрижераторов. Оборудованный кожаными рваными диванами, черным журнальным столиком и мягкой желтой обивкой всего корпуса, изнутри старый Peugeot Traveller имел все шансы стать идеальной «берлогой-убежищем». В принципе, в фургоне было все необходимое, так казалось пятилетнему Сороке, а ему, и правда, немного нужно было. Большая часть лобового стекла выглядывала из горы хлама, благодаря чему пускала в салон определенную долю солнечного света в дневное время (хоть застать там Джона днем было практически невозможно). «Для ночёвки более чем достаточно», – считал Джон. В душ же он всегда мог сходить в общественную баню при угледобы-

вающей шахте. Комендант пускала сироту совершенно бесплатно, ей вполне хватало разок заглянуть в удивительные карие глаза этого чумазого мальчика. Вдобавок ко всему, его худо-бедно подкармливали работяги со свалки. Пользуясь этой незамысловатой схемой, Сорока замечательно (на его взгляд) дожил до 10-ти лет.

Руками демонстрируя Умнику размеры пойманной им рыбы, Джон также демонстрировал свои вечно поцарапанные бродячими котами и выпачканные в машинном масле руки. Он просто обожал технику и все что с ней связано. Извечная полоска мазута где-нибудь на щеке – визитная карточка упорного будущего техника, часто потирающего в кропотливом процессе лицо. К сожалению, в силу малого возраста, у Джона пока лучше выходило разбирать, чем собирать что-либо. Но и этот процесс, также как и сборка, требует немало концентрации и усидчивости, чего обычно недостает совсем зеленой пацанве. Выглядел он, как любой другой нищий мальчишка: смолянистые вьющиеся волосы, что все время лезут в глаза; обветренная грубая кожа, потемневшая в результате длительного воздействия уличных ветров и палящего небесного светила; поношенная и растянутая, но все еще горячо любимая серо-голубая футболка с дельфинами; черные короткие шорты, резиновые шлепки и небольшая прямоугольная картонная коробочка размером 30x10 см, не более 10 см толщиной. Эта коробочка была его самым большим сокровищем, обнаруженным Джоном в одном

из бардачков старой Шевроле. На коробке была надпись на иностранном языке – один из работников свалки был иммигрантом из бывшей России и смог перевести надпись Джону.

– Здесь написано: «Универсальный молоток. Министерство тяжелого машиностроения. СССР». А вот здесь, под рисунком: «ГОЗ – ЦКТИ г. Ленинград, Дорога в Сосновку, дом 16/1».

Слова работника надолго засели в голове мальчика. «Ну что это еще за дорога в Сосновку? – задавался он вопросом. – Как она выглядит? Наверняка там много зелени, деревьев и редких птиц».

Содержание коробки было следующим: небольшой металлический молоток, насадка которого состояла из ударной части с одной стороны и гвоздодера с другой. В полый цилиндрической рукоятке универсального молотка размещалось пять насадок: плоская и крестовая отвертки, сверло, шило и стамеска. Насадки длиной не более восьми сантиметров можно было легко извлечь, открутив круглое основание рукоятки. Замена происходила следующим образом: открутив по часовой молотковую часть от рукоятки, поместить необходимую насадку внутрь верхней части металлической трубки и закрепить насадку, максимально вкрутив небольшой болтик в специальное отверстие расположенное чуть ниже в трубке. Стержень болтика попадал в специальный паз насадки, прочно закрепляя её, что не позволяло ей играть в стороны. Еще в коробке были две продолговатые насадки-на-

пильника – и все это в совокупности с пожелтевшей коробкой представляло собой самое большое и любимое сокровище десятилетнего мальчика.

В целом Сорока был обычный мальчуган, но глаза... Глаза сильно выделяли его среди бездомных. «Иногда сама себя ловлю на этом. Сидишь, значит, и ждешь. Вот он – момент – когда этот взгляд настигнет тебя: густые черные ресницы распахиваются, а под ними – ну точно два колодца! Глубокие такие... темные... они притягивают тебя против твоей воли. А на дне колодцев, кажется, ангелы притаились. И смотрят ангелы не в глаза тебе, а в саму душу и все видят. Все твои добрые поступки и все скверные. От того мурашки по спине бегут, и становится щекотно внутри» – так отзывалась о Сороке Джейн, старшая дочь владельца местного более-менее приличного бара «Бессонница». Именно Джейн, кстати, и натолкнула местных ребят на прозвище, ныне принадлежащее Джону. Ранее он был известен как Беспалый, но об этом чуть позже.

Сорока Джон Хаф на дух не переносил алкоголь, но в Бессоннице бывал частенько. Для нищего тощего воришки это место являлось практически жизненно необходимым, наверняка одним из основных источников пропитания. Проникая в заведение по своим секретным узким лазам, Сорока как змей появлялся и исчезал под скатертями старых деревянных столиков. Действуя быстро, цепко и бесшумно, он представлял себя опасным хищником. В основном, его добычей

становилась еда. Недавно поданные или давно позабытые закуски, блюда, булки, или молоко (особенно молоко) были обречены. Но случалось и такое, что на каком-то столе или в кармане пиджака, размещенного на спинке стула беспечным владельцем, может оказаться драгоценная блестяшка: кольцо, серьга, бумажник, брошь или, как часто бывает, телефон. Посетители нередко отвлечены какими-то важными делами в интернете, и именно в этот момент они максимально уязвимы. Естественно, нередко случалось быть пойманным. Когда конфликт касался еды, то Сороке достаточно было прибегнуть к двум глубоким колодцам, освободить пару слезинок и попросить прощения. Но когда речь шла об украденных драгоценностях, то тут уж как ни выкручивайся, а все равно твой воротник окажется в крепкой руке мистера Норсвуда, хозяина «Бессонницы».

Гарри Норсвуд был человеком сурового нрава и представлял собой образец мужественности и характера. При весе в 125 килограмм и росте 220 сантиметров он мог вполне серьезно побороться с быком. Его крепкие руки и плечи были насквозь пронизаны прочными жилами, а широкая спина едва проходила в дверь. Этот мужчина дорожил своей красивой пышной бородой, цветом напоминающей медно-бронзовый сплав, но на голове волосы вовсе не берег. Она была гладко выбрита и в совокупности с высоким лбом приобретала форму полусферы. В прошлом Гарри был лесорубом, потому, как и любой другой уважающий себя дровосек, сохра-

нил привычку держать лицо кирпичом, не расточая мимолетные эмоции направо и налево. Посетителей всегда забавляло, когда здоровенный титан Норсвуд в гигантских штанах, закрепленных на середине живота таким же гигантским коричневым ремнем, шагал через весь зал к выходу, держа попавшегося в капкан его стальной руки бездомного сорванца, напоминавшего мелкого котенка, смиренно застывшего в зубах мамыши-кошки. Наблюдая за этой картиной, работающая за барной стойкой Джейн, огорченно хлопнув в ладоши и качая головой, проговаривала: «Вот ведь сорока, а?!». Ей было жалко мальчишку, но и перечить отцу она не решалась. И дело вовсе не в том, что Джейн была робкой и трусоватой 20-ти летней девочкой, а в том, что никто никогда не решался перечить Гарри Норсвуду. С тех самых пор прозвище «Сорока» прочно прилипло к Джону.

– Тогда-то я не подозревал, чем придётся заплатить за сома, – тяжело вздыхая, продолжал рассказ Сорока, – Клянусь всеми своими целыми пальцами – еще ни одна рыба не требовала от меня такой решимости!

– Дальше-то что было? – нетерпеливо давил Умник. Он отлично знал, чем заканчивается история, и уже тысячу раз слышал её, но ему нравилось переживать этот момент с Сорокой снова и снова, т.к. с «правильными» мальчиками, как говорит его мама, таких злоключений никогда не случалось. Родители прикладывали максимум усилий, дабы избежать подобного.

– Дальше? – Джон Хаф снова вскочил с места и стал наглядно движениями рук и ног демонстрировать произошедшее для достижения максимальной полноты картины. – Сом оказался в моих руках! Подводному гиганту больше не править в озере – я избавил его от этого бремени – он это понимал, и я это понимал. Я с трудом вынул крючок изо рта моего будущего ужина и хотел было опустить его в ведро с водой, но... Внезапно! Дикая! Оголодавшая и от того отчаянная псина, что было сил впилась острыми как бритва зубами в рыбу в моей руке! Могучий «капкан» из двух рядов собачьих зубов заключил в себе часть сома и мои два бедных несчастных пальца.

И тут Сорока закричал что было силы, как может кричать от острой боли десятилетний мальчик. Испуг заставил Умника откинуться назад.

– Боль была адская! – продолжил пострадавший, – Но рыбу я не отпустил. Я тоже был голодным и отчаянным и даже не думал уступать этой СОБАКЕ! Что было сил я врезал зверюге по голове. А пес был с меня ростом!

– Нет, не был, – перебил его Умник.

– Ладно, не был. Чуть поменьше был! Мой раскалывающий камни удар поверг его в панику – он откусил что удалось и удрал прочь. Кусок сома и мой мизинец он прихватил с собой, а упавший на пол безымянный – я в приступе гнева бросил ему в спину.

И Сорока демонстративно поднес к лицу руку, шевеля по

очереди тремя целыми и половиной безымянного пальца. Мизинец на «собрание» не пришел.

– Не болит? – удостоверился Умник.

– Да, это ж давно было, – махнул рукой гордый мальчик, – Два года уж с тех пор прошло.

– Это произошло на самом деле, только собака была поменьше, – вмешался в разговор появившийся из-за угла невысокий круглый мальчик с полными красными губами, хомячьими щеками и светлыми волосами. Сопровождающий его хромой мальчишка был гораздо выше, угрюмее и однозначно старше их всех. С виду ему было тринадцать.

– Пойдемте на водонапорную башню! Будем смотреть закат! – обратился толстяк ко всем присутствующим веселым и звонким голосом.

ЛикМик-Таг, так звали толстяка (также назывался известный шоколадный батончик), и Хромой были выходцами из семей, которые могут себе позволить немного. Хромого высокого мальчика прозвали так тоже по вполне очевидным причинам. Слухи о его недуге до сих пор не были подтверждены.

Мальчишки встали, обтрусилась от пыли и стали обуваться.

– А что с призом? – спросил Сорока, подобрав с пола коробку с универсальным молотком.

– После доиграем, – ответил Умник и забрал с призового пня новехонькие синие кеды, подаренные ему матерью днем

ранее.

Все вместе они направились в сторону озера, откуда виднелась высоченная ржавая водонапорная башня с исполинских размеров до отказа наполненной водой бочкой наверху.

Глава вторая

Кислая, Сладкая и

«люди после шести»

Город двух-, трех-, и пятиэтажных зданий готовился к окончанию очередного рабочего дня. О том, заглядывая в окна трудяг, напоминало уже наливавшееся свежим апельсиновым светом крупное остывающее солнце, стремящееся поскорее уже скрыться в глубине желтой, потрескавшейся земли где-то за городом.

Прогуливаясь по узким улицам и пробираясь через торопящихся домой усталых жителей города, четверо мальчишек громко обсуждали темы сверхважные, требующие внимательного подробного рассмотрения. Грубые и кислые мины «людей после шести» (так ЛикМик-Таг прозвал торопящихся домой, истощенных работой местных жителей, чей рабочий день заканчивался в 18:00) не сдерживали ни злости, ни раздражительности в моменты, когда шумная непредсказуемая шпана вынуждала их лавировать по тротуару меж детей. На что в ответ получали насмешливые кривляния и гримасы с использованием то языка, то пятой точки.

Если вы прислушаетесь в момент этой прогулки к нашим героям, то услышите, что речь шла о Храмом и его травме ноги, а точнее, пятки. По одной из историй, этот вечно угрю-

мый и молчаливый мальчик был втянут в потасовку с бандой соседнего района. Он вступился за девчонку, над которой без каких-либо веских причин постыдно измывались жестокие дети. Хромой вырос стеной перед заплаканной сопливой жертвой издевок и, гордо задрав подбородок, принял тяжелый бой сразу с тремя обидчиками. Храбрости, воли и выносливости ему хватило ровно на тот временной отрезок, чтобы маленькая спасенная девочка успела убраться подальше. Как только он периферийным зрением засек исчезновение желтого платья за углом дома в конце улицы, смог позволить себе заплакать под тяжестью мощных ударов. Нанеся последний удар наотмашь, и крепко угодив кулаком одному из подлецов прямо в его крупный приплюснутый нос, Хромой принялся бежать. Уходя от погони, ныряя из переулка в переулок, он в итоге угодил в тупик. Не растерявшись, юный спринтер ловко перемахнул через двухметровый забор из рабицы. Двое догоняющих выдохлись гораздо раньше, и потому карабкаться по противной алюминиевой сетке не решились, посчитав более важным оказать необходимую помощь своему товарищу с разбитым носом.

– Это ведь было еще до вакцинации? – с легкой грустью в голосе произнес ЛикМик-Таг, обращаясь к своему высокому угрюмому другу. Все взглянули на Хромого. Тот только медленно моргнул и слегка кивнул головой, не сводя пустого взгляда с какой-то точки впереди.

– Уйти-то ушел, но сломал себе пятку! И провел пять ме-

сяцев дома в кровати, – ЛикМик-Таг знал, о чем говорит, т.к. с Чарли (после – известным как Хромой) они были ближайшими соседями, – Нога-то зажила, но вот хромота осталась.

Полный лучший друг знал времена, когда Хромой был веселым и открытым мальчиком... до вакцинации.

– Даа... Не самый приятный трофей после достойного боя, – заметил Умник, протирая свои очки углом рубашки. Поместив их обратно на свое место на лице, он положил руку на плечо молчаливого приятеля и добавил, – Смелость и гордость – те самые качества, которые делают великих людей – великими! Так говорит мой отец.

– Вот-вот, – снова включился милый толстячок Лик-Мик-Таг, – Хотя я и считаю всех девчонок такими же пусто-головыми, как их куклы, но поступок Чарли – это поступок настоящего мужчины.

– Она была красивой? – обратился Сорока к Хромому.

– Кто?

– Ну, девочка... за которую ты вступился.

Хромой, наконец, оторвал взгляд от пола и, весь окутанный романтичными воспоминаниями, взглянул на небо.

– Очень, – сорвалась тихая фраза с его губ.

– Какой же? – не отставал Джон.

Тяжко вздохнув, угрюмый Хромой стал тихо описывать одиннадцатилетнюю девочку:

– Голубые глаза, веснушки, волосы цвета пшеничного поля, желтое платье... и запах гвоздики – вот все, что я помню

о ней.

Ребята затихли. Какое-то время они шли молча. «Блондинка значит. Блондинки мне по нраву», – думал про себя Сорока, почесывая тремя с половиной пальцами подбородок.

В тишине банда прошла немного, за рыбным магазином Дядюшки Моргана открылся вид на небольшую детскую площадку с песочницей, горкой и качелями на цепях. Там по склонам старой ржавой горки с любимыми куклами в руках скользили две черноволосые девочки. Внешне абсолютно идентичные, сестры-близняшки были очень разными на деле. Одеты в пару черных маек и пару розовых коротеньких шорт, их можно было отличить только по цвету обручей с кошачьими ушками на голове. У Кэролин ушки были красного цвета, а у Моники – черного.

– Э-хей! Сладкая! Горькая! – окликнул их ЛикМик-Таг через дорогу.

Девочки повернулись одновременно и одновременно наклонили головы направо, сохранив застывший вопросительный взгляд на лице. Со стороны это казалось немного жутковато. Такой фокус они проделывали уже не впервые, т.к. сестрам нравилось наблюдать за странной реакцией обычных людей, не имевших близнецов и дивящихся подобной синхронностью.

– Мы идем к АЦ-600 смотреть закат, присоединяйтесь! – пригласил девушек Сорока, махая рукой с тремя с полови-

ной пальцами. В правой руке он, как всегда, сжимал свою небольшую картонную коробку.

Сестры перешли дорогу на сторону, где их ждали мальчишки. За абсолютную противоположность характеров девочек прозвали Сладкой и Горькой. Сладкая, улыбочивая и нежная, подошла и не спеша поцеловала каждого из мальчишек, заставив тех разом побагроветь. «Брюнетки мне по нраву», – получив внезапный поцелуй, подумал про себя Сорока и улыбнулся.

– Здорова! – выдала Горькая Моника и с размаху хлопнула по плечу Умника, да так сильно, что он только чудом успел поймать слетевшие с переносицы очки.

Сестры тоже были из семьи второго класса, их родителям приходилось трудиться в поте лица в корпорации «Интро Индастриз», где они каждый вечер превращались в «людей после шести».

– Ты когда себе новые пальцы пришьешь? – с наглой ухмылкой обратилась к Сороке Горькая.

– Пальцы? – переспросил Сорока. – Мне они ни к чему! Во-первых, я другие не хочу, мало ли кому они принадлежали, а во-вторых, я без них выгляжу более мужественным.

Сорока скрестил руки на груди и взглянул двумя черными колодцами прямо в наглые глаза Горькой. Громко хмыкнув, курносая девочка отвернулась в сторону.

– Очень жаль! – сказала она, – Тут недавно в больницу забрали одного бродягу, так я успела заметить завидную па-

ру пальцев на его левой руке, и сразу подумала о своем друге Сороке. Они бы тебе очень пошли! – протянула она последнюю фразу, высокомерно взглянув на левую руку Джона. Наглая острячка едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

– Сестра-а! – Возмутилась Сладкая, – Разве можно так говорить о пальцах на чужой здоровой руке?!

Ей, и правда, было очень неловко за свою сестру.

– Все в порядке, дамы, – отвечал Сорока своим псевдосерьезным голосом, почесывая грудь под футболкой, – Лучше той замечательной пары пальцев, владельцем которой я являлся, во век не сыскать ни вам, ни мне. Так что я, пожалуй, оставлю это место пустым как добрую память о них.

– Да надоел ты уже со своими пальцами! – выкрикнул впереди стоящий ЛикМик-Таг, – Мы идем или как?!

Толстяк в полосатой футболке, идеально облегающей его шарообразное тело, указал пухлой ручонкой в направлении высокой водонапорной башни, красовавшейся вдалеке над крышами мелких городских домов. Огромная цистерна с водой, казалось, вот-вот обрушится, сломав под собой тонкую железную трубу, которая ее справно держала вот уже много лет. Разумеется, труба на самом деле никакая не маленькая. Так тогда казалось ребятам.

Глава третья

Солнце, полное апельсинового сока, и детские тревоги

Добравшись, наконец, до башни, дети стали готовиться к непростому подъёму. Близняшки оставили своих кукол, усадив поудобней под растущим неподалеку деревом.

– Высота водонапорной башни около тридцати двух метров, – стал объяснять Умник, – Подъем непростой для десятилетки – займет не менее десяти-пятнадцати минут. Всем желающим передумать рекомендую сделать это сейчас.

– Да ладно, в первый раз что ли? – спросил в никуда Хромой, и как самый старший стал взбираться по лестнице первым, подавая пример остальным.

– Иногда его бесстрашие и хладнокровие меня пугает. – Наклонившись к Сороке, сказал ЛикМик-Таг, после чего перекрестился, кому-то поклонился и стал взбираться за другом.

– Увидимся наверху, парни, – нежно проговорила Сладкая, обращаясь к Умнику и Сороке.

– Увидимся наверху парни, – перекиривляя мерзким голосом сестру, повторила Горькая.

– Я за тобой, друг – сказал Джон товарищу, легко ударив очкарика по плечу. Но Умник не придавал значения данному

выпаду, на его лице играло едва заметное волнение. Сорока отложил в сторону коробку с универсальным молотком и начал взбираться последним.

Когда все оказались на дистанции и подъем проходил уже около семи минут, Джон взглянул вниз посмотреть, как там обстоят дела. Его беспокоили его руки, вечно пребывающие в скользком машинном масле. От взгляда вниз, сквозь туннель ступенек и защитной сетки вдоль лестницы, немножко кружилась голова. Все вещи на земле теперь казались маленькими. Даже старый вековой дуб внезапно стал карликом. Сорока сделал глубокий вдох и продолжил подъем.

Оказавшись на вершине башни, под местами ржавой, местами красной бочкой с белой надписью АЦ-600, все шестеро уселись полукругом на край мостика, свесив ноги вниз и вцепившись руками в перила. Металлический запах, горящие от подъема ладошки и приятный прохладный ветерок июльского вечера были уже привычным сигналом начала заката для банды десятилеток.

– Апельсиновый сок. – Первой нарушила тишину Горькая.

– Что «апельсиновый сок»? – Спросил Сорока.

– Я думаю, что внутри солнца горячий апельсиновый сок с мякотью.

– Быть не может, – фыркнул Умник, – Вздор! Космический объект таких размеров и температуры...

– Ну ты представь просто... Хоть на минутку... – переби-

ла мягким голосом Горькая.

Умник сначала удивился. Потом успокоился и, пытаясь представить подобную картину, он обратил едва утихший скептический взгляд вдаль.

– ...К концу дня сок остывает и Солнцу приходится спускаться, чтобы слить старый остывший сок и залить новую порцию погорячее.

В этот раз голос Горькой звучал приятно и никому из ребят не хотелось её перебивать.

– А облака, – продолжала она, – Это некая разновидность сладкой ваты, которая легче воздуха, и потому не может коснуться земли. Видите, какой у них персиковый отлив? Вероятно, в машинку по изготовлению ваты добавляли персиковый или абрикосовый сироп.

И действительно, картина была завораживающей. Шарисполин, доверху наполненный горячим апельсиновым соком, постепенно снижался к земле, придавая редким пышным облакам сладкой ваты свой привычный оранжево-розовый оттенок.

Под облаками – уставший город готовит там и тут различные затейливые блюда на ужин. Из окон доносится запах горячего рагу, лазаньи, домашнего пирога с черной смородиной или запеченной в духовке утки с яблоками. Улицы и крыши домов еще не успели остыть от дневного пекла – эта температура тротуаров была идеальной для любителей бегать босиком по улице. С высоты тридцати двух мет-

ров город превращался в городок, дома – в домишки, а люди – в муравьев. Впереди расстилалось небольшое изумрудное озеро. Тут город тоже постарался: он так с трех сторон облепил озеро, что с высоты казалось, будто гигантская голова пытается проглотить воздушный шар. Обрисовывая контур озера, с двух сторон протянулись дороги прямо к самому неприятному зданию в этой местности. Самым неприятным местом ребята считали высокую черную стеклянную башню прямоугольной формы, которая, вырвавшись из-под земли, торчала как гигантский штырь. Это была башня «Интро Индастриз», обеспечивающая рабочими местами чуть ли не треть города. В своей зеркально-черной мрачности она олицетворяла символ власти над всем городом, вызывая при этом только чувство омерзения и отвращения. Ровно после 18:00 всякий сотрудник здания что было сил бежал из этого проклятого места. «Архитектору следовало бы руки сломать за такие дела», – подумал про себя Сорока.

Город с высоты птичьего полета напоминал глаз, где изумрудное озеро занимало место зрачка. Если так глядеть на эту картину, то во время заката зрелище было следующее: длинная острая тень башни по мере снижения солнца, подобно тонкой черной спице, тянулась к «глазу» города, пока не настигала его.

– Джон, ты знал, что у меня через два дня вакцинация в «Интро Индастриз»?

В голосе Умника Сорока почувствовал приближающую-

ся, неудержимую как цунами тревогу. Джоном друг звал его только в крайне серьезных ситуациях.

– Да че там, подумаешь, ну сделают тебе укольчик, потом засыпаешь на пять-десять минут, – решил поддержать Сорока взволнованного друга, – Зато потом – здоров как бык! Оп! И большинство современных болезней тебе нипочем, в том числе, психологические. Еще говорят, что вакцинация снижает тягу к различным дурным поступкам. Радовался бы, я вот себе такое позволить никогда не смогу.

– Но ты ведь знаешь, какие слухи ходят... – голос Умника по-прежнему дрожал. – Говорят, что после этой процедуры человек становится совсем другим.

– Да Господь с тобой! Слухи вечно куда-то ходят! То туда, то сюда. Я тебе вот что скажу: пускай лучше слухи ходят за мной, чем я буду плестись у них на поводу!

Умник расплылся в искренней дружеской улыбке. Слова поддержки от Джона, дружелюбно предоставленные лично, известной своей откровенностью, оказали бодрящий эффект. Еще минут пятнадцать болты старой башни слушали безобидный лепет детей, весело болтавших ногами, взбивающих воздух и превращающих его в тягучий и вязкий бесцветный кисель со вкусом и запахом лета. Никто даже не подозревал о бесценности этого момента, проведенного на мостике изрядно проржавевшей башни, и никто не догадывался, что с годами люди тоже ржавеют. Ох, как сложно объяснить ребенку, что преодолевая различного рода превратно-

сти судьбы, обычное дело – обнаружить в себе коррозию самого недооцененного в этом городе человеческого органа – души, разумеется.

Пока шумная компания не успела вновь ворваться в бурный поток жизни города под светом фонарных столбов, Умник отдернул край футболки Сороки:

– Джон, – обратился он полушёпотом, – Я должен тебе кое-что рассказать.

Сорока озадаченно взглянул на друга, чье лицо постепенно пытались скрыть сумерки или, может быть, эта мрачность проистекала из мальчика, переливаясь через край, как из переполненного сосуда. Он коснулся рукой своего уха. Жест, обозначающий в узком кругу готовность к серьезному разговору.

– Ты помнишь моего двоюродного брата Сэма?

Сорока серьезно кивнул.

– Два месяца назад он проходил вакцинацию и рассказал мне нечто жуткое. – Умник попытался проглотить мнимый комок, застрявший в горле, – После инъекции он не уснул.

– Разве так бывает? – спросил Джон.

– Не перебивай. Выходит, теперь бывает. В общем, родители, как положено, отвезли его в «Интро Индастриз», где их встретили «вешалки». Они попросили родителей остаться в комнате ожидания, заверив, что процедура не займет много времени, а Сэма тут же под руки увели.

«Вешалками» в простонародье прозвали корпоративных

металлических роботов, пользующихся популярностью в далеком 2032-ом году. Такое прозвище небоевые роботизированные единицы получили за свой немного глуповатый внешний вид. У роботов данной модели было тонкое вытянутое туловище с непропорционально большой шарообразной головой и тонкими, также трубкообразными, гибкими руками. Противные длинные пальцы и безликий интерфейс с одной лишь красной лампочкой, размещенной где-то в области лба, выглядели нелепо и совершенно не внушали страха. В этом и была основная задумка их создателя – разработать безопасного робота, не создающего какую-либо атмосферу присутствия рядом с людьми. Очень важно, чтобы робот не отвлекал офисных сотрудников от их дел и не влиял на их производительность. Вся эта странная конструкция стояла на четырех тонких ножках на колесиках, очень напоминая вешалку.

– Потом вешалки отвели его в лифт, – продолжил Умник, – И спустились на несколько этажей под землю. В холодной комнате бледно-свинцового цвета с белыми стенами они пристегнули Сэма ремнями к странной кушетке. Один из вешалок сделал ему укол в плечо, и скоро сознание постепенно стало покидать его.

– Я думал, это всем известно. – Сказал Сорока.

– Да дослушай ты! – Взорвался возмущенный нехваткой терпения друга, Умник. – Задолбал перебивать! Сэм не уснул, понимаешь? Он сказал, что эти машины украли его

душу! Сказал, что вынули её, как косточку из персика... Как косточку из персика, Джон!

– Да нуу! – От этой истории у Сороки побежали мурашки. – Будь это так, весь город уже бы стоял на ушах. Высотку давно бы закрыли, а директора наказали.

– Никто не помнит, понимаешь? Сэм был единственным, кто не уснул. Сказал, заштопали все превосходно, – Умник поцеловал три сложенных вместе пальца правой руки, повторив распространённый итальянский жест. – Сделали лучше, чем было, говорит.

Мальчик силой пнул лежавший на его пути камень размером с каштан, высвободив часть скопившейся злобы так, что тот пулей просвистел мимо идущих впереди друзей. «Э-э, полегче там!» – донесся голос ЛикМик-Тага.

– А на следующий день я не узнал своего брата. Он стал другим: менее дружелюбным и вообще странным. Сказал, что нашего разговора не помнит и что это все, вероятно, приснилось мне.

– Однако, странная история. Теперь я понял, почему ты хотел, чтобы я за тебя пошел на инъекцию в случае моего проигрыша в карты! – Сильно хлопнув по плечу друга сказал Джон. – Но мы ведь еще не доиграли нашу партию, – подбадривающе говорил он, – И я все еще хочу твои великолепные синие кеды, ну, а если проиграю... то, что поделаешь, пойду в «Интро Индастриз» вместо тебя.

– Этот ход не сработает. Во-первых, родители должны со-

провождать ребенка, мои – тут же тебя разоблачат, во-вторых, компьютер в Интро сканирует детей на соответствие с базой данных. Этот отчаянный ход с картами мне пришел в голову сгоряча, сейчас же, проанализировав, как следует, ситуацию, я пришел к выводу, что выкрутиться не выйдет.

– Мне кажется, ты делаешь из мухи слона – нет никакого похищения душ, Умник. Есть только богатое воображение твоего брата. Уверен, волноваться не о чем: твои родители занимают довольно высокий пост, и они бы не допустили, чтоб у их любимого «золотого сыночка» изъяли душу.

– Ну... Может, ты и прав. – Согласился Умник, но сохранил тонкую тревожную струну внутри себя натянутой. – Пора бы ребят догнать!

Мальчуган в очках бросил взгляд на Сороку и помчался вперед.

– Пора. – Сказал себе под нос Сорока и побежал следом.

Глава четвертая

Вечер со вкусом яблок и запахом вишни

Сорока и друзья, как положено, с шумом вторглись на пропитанные музыкой и запахом карамели центральные улочки города Н***. Это та самая пара улиц, которые все еще были выложены старой шестигранной брусчаткой. Разумеется, после войны первым делом восстанавливали центр города. Это одна из причин популярности данного района. Здесь никогда не было тихо – центр был ядром всевозможных развлечений. Как я уже говорил прежде, время было нелегкое, и от того люди хватались практически за любую возможность немножечко развлечься и отдохнуть. Забавы привлекали граждан всех классов, люди брали с собой своих близких, детей и – свои кошельки. Скопление крупных сумм наличности в одном месте как магнит притягивало подозрительных лиц скверной репутации: мошенников, воров, аферистов и девушек легкого поведения. Но, пока не слишком поздно, детям ничего не угрожало.

У описываемой мною компании была одна особая неприемлемая, на первый взгляд, пустяковая особенность – не считая Сороку и Хромого, у всех день рождения был в июле. Сестры-близняшки, ЛикМик-Таг, Умник и Мари Фени (еще

одна девушка из банды) были на пороге своего десятилетия. И кто бы мог подумать, что такое неприметное совпадение сыграет важную роль в этой истории. Разумеется, Сороке тоже хотелось родиться в эту замечательную летнюю пору вместе с друзьями.

Горькая за руку потащила Умника в тир, не удосужившись даже узнать его мнение по поводу стрельбы из пневматического ружья. Умнику претило оружие во всех его проявлениях, да и вида крови он не переносил, чего нельзя было сказать о Горькой. Девочку бросало в приятную дрожь только о мысли подержать ружье или пистолет в руках хоть мгновение, ощутить холод и запах металла, способного создавать огромные неприятности. Ее сестра, Сладкая, примеряла всякие диковинные шляпки в палатке неподалеку. Этот нежный цветок не мог и не пытался скрывать своей любви к одежде: платья, юбки, обувь и головные уборы последней модели – вот что было ей по душе. Рядом стояли Хромой и Лик-Мик-Таг, уже где-то раздобывший пышный сверток сладкой ваты.

Воспользовавшись ситуацией, Сорока незаметно ускользнул через дорогу, под балкон второго этажа напротив тира и, застыв как вкопанный, не сводил с него глаз какое-то время. Можно было подумать, что парень разглядывает голубоватые цветы в горшочках, коими были усеяны перила балкона, или интересную сложную фреску фасада здания. Но, разумеется, Сороке до этого всего не было никакого дела. Он

стоял, с ног до головы облитый бронзовым светом фонарной лампы, и обдумывал что-то. Поправив тремя с половиной пальцами смолянистые выющиеся волосы, лезущие все время в глаза, он первый раз негромко выкрикнул:

– Аттика!

Ответа не поступило. Постояв немного в тишине, повторил, но уже громче:

– Аттика!

Внезапно, на перила запрыгнула белая пушистая кошка, проникшая через открытую дверь на балкон. Теряя терпение, Сорока поднес ладони ко рту и громко прокричал:

– А-ТТИ-КА-А!

В конце концов, его призыв был услышан; синюю штору аккуратно приоткрыла маленькая, тонкая, совершенно бледная, девичья ручка. Из-за перил балкона склонилась девочка в светло-розовом платье с красными орхидеями. Её выющиеся змейками темно-бардовые локоны слегка задевал ветер. Окинув взглядом улицу, пара карих глаз остановилась на Джоне.

– Ну чего ты орешь?! – Не скрывая возмущения, крикнула Аттика. Хоть она и была приблизительно того же возраста, что и сестры-близняшки, но её голос в сравнении с другими девчонками звучал глубже и мягче.

– Привет, Аттика! – Сказал мальчик, явно посветлев в лице, – Пойдем прогуляемся?

– Боже, Сорока, ты время видел?! Нет, – категорично от-

махнулась девочка, – У меня кошка больная, за ней нужен уход.

– Какая кошка, эта что ли? – Он указал пальцем на белую пушистую.

– Нет, другая! Она в доме спит.

– Яблоко!

– Что «яблоко»? – Спросила Аттика.

– Запеченное в карамели, хочешь? – Спросил Джон и хитро улыбнулся.

Взглянув куда-то в сторону и снова на Джона Аттика ответила, едва сдерживая улыбку.

– Ну, допустим!

– Тогда пойдем!

– Откуда у тебя деньги, Сорока? Опять украл? – Протянула девчонка, не скрывая легкой издевки в тоне.

– Аттика, дорогая моя, я могу заработать сколько хочешь денег, когда пожелаю, – жестикулируя левой рукой, объяснял псевдосерьезным голосом Сорока, правой он прижимал к груди коробку с универсальным молотком, – Просто я отношусь к деньгам проще, не так как взрослые. Для меня это не цель...

– А что цель? – перебила Аттика.

– Слава, конечно же.

– Слава?! – с балкона посыпался громкий долгий смех.

– Так ты идешь или я уйду? – раскрасневшийся мальчик был «зажжен», как фитиль динамита.

Аттика повернулась и взглянула на исхудалую кошку в зале на ковре, та крепко спала. Что в принципе делала целыми днями последнее время.

– Сейчас спущусь!

«Девчонки с вишневыми волосами мне по нраву», – подумал про себя Сорока.

Спустя пару минут в квартире на втором этаже погас свет. Послышались быстрые короткие шаги по ступенькам, и из старых деревянных дверей подъезда, подобно ласточке, выпорхнула черноглазая девочка. Преисполненная легкости и изящества в своих движениях, она в три прыжка настигла Джона Хафа, заключив того в своих объятиях.

Хоть в мальчишеском клубе и считалось дурным тоном обниматься с девчонками, все равно правило игнорировалось Сорокой. Почему, спросите Вы? Да потому что испачканного по локоть в мазуте мальчика с обветренными, потрескавшимися до крови губами и вечно грязными от дорожной пыли ногами, никто не горел желанием обнимать. А уж такой нежный вишневый цветок, как Аттика, по идее, и вовсе не должен был касаться его. Но правильно или не правильно, а обстоятельства складывались, так как складывались, и ничего нельзя было с этим поделать. Да и кто мы такие, чтобы их судить.

Аттика крепко прижала Сороку к себе. Её пружинистые бордовые локоны врезались в лицо мальчика и тонкий нежный запах черешни будоражил обоняние. В его памяти

всплыли мимолетные картины прошлого, когда он впервые смог вдоволь насытиться ароматом и вкусом наверняка одной из самых вкусных ягод на земле.

«... – Атика – «королева» поздних сортов черешни! Недорого! Не проходите мимо! Попробуйте самые сладкие плоды вишни со вкусом лета! – Зазывал покупателей энергичный тридцатидвухлетний владелец палатки с фруктами Никола Брикса. Его желтый навес неизменно занимал свое место на рынке между синей палаткой с овощами и палаткой с различными семенами на рассаду уже полных пять лет. Заприметив черноволосого мальчишку, праздно скитающегося по рынку, Брикса подозвал его к себе:

– Эй, Сорока! Поди-ка сюда, бездельник!

Сорока оторвал взгляд от пола, взглянул недоверчиво на Николу и подошел к палатке. Никола же широкой цепкой хваткой запустил руку в черешню. Подобно ковшу, он, зачерпнув добротную пригоршню ягод, положил в небольшой целлофановый пакет. Проделав эту нехитрую манипуляцию еще пару раз, Никола протянул пакет Сороке.

– Держи и проваливай! – сказал хозяин палатки и широко улыбнулся мальчику.

– Нет предела моей благодарности, Сэр! – ответил Сорока, не скрывая блеск искрящихся от радости глаз. Он схватил пакет и спешно удалился.

О, как рад был маленький Джон насладиться вдоволь сладостным сочным вкусом черешни. Эта внезапная доброта,

проявленная к нему, тронула душу голодранца и с глаз его змейкой пробежала слеза, сорвавшись с подбородка, не сумела задержаться и насмерть разбилась о сухую пыльную землю.

Немного времени спустя, в «банде» произошло пополнение со стороны прекрасного пола. Девочка из класса людей, «способных себе позволить многое», изъявила желание стать частью вышеописанной компании детей. Её звали Мари Фени, и её волосы были выкрашены в темно-вишневый цвет. Впервые взглянув на нее, Сороке тут же вспомнились слова хозяина палатки с ягодами – Николы Бриксы: «Аттика – «королева» всех поздних сортов черешни!», и с тех пор он стал звать девочку Аттикой. В результате, остальные дети присоединились, признав прозвище сносным.

Сорока немедленно пожелал ответить на объятья подружки, его ладони уже было коснулись нежной ткани светло-розового платья, как девочка тут же выскользнула из его рук подобно голубю. «Черт бы побрал этих голубей!» – вечно ругался Джон на птиц, которых ему никогда не удавалось поймать. Он всерьез рассматривал этот вид крылатых в различного рода кулинарных целях.

Сорока скоро увлек Аттику за собой к палатке с запеченными яблоками, сладкой ватой и попкорном. Они болтали о разном, Аттика испытывала сильные чувства к Сороке, но не знала, как правильно их выразить: в силу своего юного возраста многие вещи для девочки и мальчика все еще

оставались сложными для понимания. Разумеется, и оборванец Сорока не понимал вид той тонкой связи, что образовалась между ним и подругой. Он лишь мог испытывать сильное тепло в груди, когда Аттика проводила своей мягкой и нежной ладонью по его щеке, утирая полоску мазуты с лица бродяги. Что было совершенно не свойственно маленькой брезгливой представительнице скромного круга элитарного общества граждан Н***. Её сложное аристократическое воспитание ярко и демонстративно бунтовало против сомнительных связей с подобного класса гражданами, но твердое эгоистичное сердце девочки было куда сложнее склада. Тот редкий, кто смог пробиться сквозь толстую броню сего органа, мог входить уже с вещами, так как таким безумцам в нём полагалась личная комната. И хоть характер Мари Фени не отличался простотой, но был спокойным, стабильным и довольно комфортным, по крайней мере, так казалось Сороке, ах, как быстро мальчик забывал, что излюбленным делом вишневой подруги было – как следует бесить его по пустякам. Например, карамельное яблоко, приобретенное за честные кровные, могло запросто отправиться плавать в фонтане с утками. Или отхватить пощечину за скверное сленговое словцо, присущее, в основном, жаргону уличных прохвостов, ну и тому подобные случаи. На деле, эти двое были совершенно идеальными противоположностями друг друга, но, как гласят вселенские законы физики, противоположности притягиваются.

Немного времени спустя, не более получаса, банда воссоединилась и весело отправилась на заключительный круг по району.

Глава пятая

Белый – лжепервичный цвет.

Через два дня, во вторник, с Джоном случилась беда. Работники свалки обнаружили его неподалеку от вагончика, лежавшего без сознания на полу. У мальчика был сильный жар. В приступе тяжелой лихорадки его доставили в больницу, где он провел три недели с диагнозом воспаление легких. Нужно понимать, что мужики, работающие на металлической свалке, всерьез привязались к краснословному пацану и считали его одним из членов семьи «связанных металлическим тросом», а потому без раздумий сбросились на его лечение.

Покинув пределы больницы, Сорока почувствовал себя помилованным заключенным. Его до того воротило от больничного запаха и белой краски, что он подобно свинье готов был с головой окунуться в родное болото грязи и машинного масла. Белые стены белых палат отражали белый свет на белоснежных халатах врачей и медсестер, что превращало Сороку в черную кляксу на белоснежном полотне художника. И все бы ничего, да еще по соседству положили блондина! Им оказался пятнадцатилетний Винс Саншайн, ставшим в последствии добрым и надежным сокамерником для нашего больного. Винс оказался замечательным парнем с тя-

желым житейским опытом и глубоко философским взглядом на жизнь. У этих двоих было много общего, хотя Винс в сравнении с Сорокой являлся более успешным, чего уж тут скрывать. За свои заслуги перед беспалым товарищем в дни тяжелого заточения в больничном «концлагере» блондин Винс был удостоен прозвища Побелка, на что неоднократно сетовал. «Клянусь всеми своими целыми пальцами – это прозвище наиболее подходящее для тебя, блондин и чистоплюй! Тьфу!» – нещадно отрезал Сорока на все возмущения со стороны Винса, – «Скажи спасибо, что «Побелка», вторым вариантом было «Перхоть». Эта дружба двух странных шалопаев на деле оказалась гораздо прочней, чем можно было подумать.

Корчась в муках собственной беспомощности и безысходности ситуации, Джон с трудом пережил эти белоснежные недели. Но кормили справно. Так долго не испытывать чувства голода Сороке за целых десять лет никогда не приходилось! А если обнажить в столовой два «темных колодца», то можно запросто заполучить добавки. Но свобода дороже еды, и потому, как только мальчику удалось сорвать с себя белоснежную пижаму, он подался прочь, подальше от больницы подобно мухе, вырвавшейся из паутины тропического Нефила.

Своим долгом Джон Хаф считал первым делом поблагодарить благородных спасителей. На свалке его встретили радостными улыбками, и он в качестве почетного гостя за

обеденным столом использовал все свое красноречие до последней капли, чтобы как можно подробней передать степень своей признательности. «С этим разобрались, – подумал он про себя, – Обед уже позади, а значит, пора проведать друзей». С этой мыслью Сорока отправился к пересохшему фонтану в районе «лопнувшего» банка и тележки с хот-догами.

На ступеньках давно заброшенного подъезда он встретил вдумчивого Умника и старого доброго толстяка ЛикМик-Тага. Оба они были полностью поглощены игрой на новёхоньких блестящих смартфонах, которые детям дарит корпорация «Интро Индастриз» сразу после вакцинации. Эдакая акция, видите ли.

– Добрый и чудесный летний день, господа! Спешу поздравить Вас с моим выздоровлением! – Джон стал в позу «крутого полицейского» из давно забытых боевиков и направил старый добрый воображаемый Кольт 1911 45-го калибра на ребят. – Я здесь! И я убью вашу скуку!

Но убить скуку оказалось гораздо сложнее, чем думал Джон. Да и дело не в ней вовсе было. Умник оторвался от телефона, чего даже не думал делать краснощекий толстяк ЛикМик-Таг, взглянул на друга и произнес самым спокойным голосом:

– Сорока, дорогой, вижу, тебя выписали, это здорово. Присаживайся, – и он указал на место рядом с собой.

«Чего это с ними?» – подумал про себя Джон. Он подошел

ближе и обратился уже более серьезным голосом, ясно давая понять свое негодование по поводу наплевательской встречи друзей.

– Алло!?! Я чуть не умер от воспаления легких! Едва ли мне удалось пережить мерзкую больницу! Это приключение могло мне очень дорого обойтись, неужели вам не интересно узнать подробности?

– Уверен, это очень увлекательная история, – ответил Умник, поправляя очки, – Но, видишь ли, мы сейчас немножко заняты. Он улыбнулся Сороке, но в старом друге что-то явно было не так. В его словах чувствовалась утренняя прохлада, а улыбка... Была совершенно стеклянной.

«Здесь искренностью и не пахнет, – подумал про себя Джон и серьезно поправил тремя с половиной пальцами волосы, что все время лезли в глаза, – Сейчас мы разберемся, в чем тут дело».

– Кто вы и где мои друзья? – обратился он к ребятам.

– Прекращай, Сорока, – включился наконец в разговор недовольный ЛикМик-Таг.

– Что значит прекращай? Я вас не узнаю, вы чего?

И тут Джон вспомнил, что все они уже прошли вакцинацию. Сердце его забилось чаще и волнение комом подкралось к глотке.

– Умник, Таг! Мне удалось сэкономить немного денег, давайте заглянем в «Бессонницу» на стаканчик холодного молока... с печеньем? Я угощаю! А это бывает не час...

– Вынуждены отказаться, – отрезал Умник, – Видишь ли, мы больше не употребляем молоко. Холодное молоко вообще-то вредно.

– Холодное молоко вредно?! Да как молоко может быть вредным? – Возмутился Сорока.

– За стаканом молока рождается беседа, а в беседе рождается истина. Так всегда Джейн говорит. Да оставьте вы свои телефоны хоть на минутку, в конце-то концов!

И ребята тут же хмурым взглядом пронзили Сороку. Обстановка стала накаляться, когда где-то поблизости раздался знакомый девичий смех.

– ... Да как такое возможно?! Я и не знала, что коты так умеют. – Это был голос Сладкой.

Из-за дома показались три девчонки. Слева и справа шли сестры, а посередине, с телефоном в руках, шла Аттика. На экране смартфона она показывала подругам какое-то видео, судя по всему, с участием домашних животных.

– О! Привет, Сорока! Рада видеть тебя здоровым. – Поприветствовала Аттика Джона, сестры тоже присоединились.

– Ну, слава Богу! – выдохнул парень, – Привет девчонки! Как я рад Вас видеть, просто не передать словами. – Он подошел к Аттике в ожидании привычных объятий, но... Никаких объятий не последовало, Аттика скромно отстраненно протянула ему маленькую бледную ладонь для рукопожатия. Пожимая руку, Сорока думал про себя: «Тааак... И ты туда

же, значит».

– Дамы! Господа! А почему бы нам не пройтись немного по городу? Хочу рассказать вам увлекательнейшую историю о том, как я имел радость подружиться с одним мерзким голубоглазым блондином.

– Ходить куда-то – крайне утомительно. – Простонал Таг. Но Атика внезапно приняла сторону Джона:

– Ребята, мы давно не видели Сороку, – с пластмассовой вежливостью в голосе говорила подруга сердца, – Уверена, ему есть что рассказать. Так почему бы нам не поддержать нашего друга и самую малость прогуляться. Она посмотрела на Джона и улыбнулась.

«Стеклянная! Не может быть! – все внутри Сороки вскипело от нервов, он стал догадываться, в чем все дело, – Её улыбка тоже стеклянная! Так, успокойся Джон. Возьми себя в руки. Веди себя естественно... хотя бы, пока ситуация не прояснится».

И все же, нехотя, но банда отправилась на прогулку. Неподалеку был сквер, густо и симметрично усаженный старыми деревьями, которые собой создавали арку великолепной прохладной тени – все это, в сочетании с легким остужающим ветерком, было что надо в такие жаркие дни, как этот. Прогуливаясь по скверу в тени деревьев, дети слушали рассказ Сороки, регулярно проверяя извещения в блестящих черных смартфонах. Пластмассовые прямоугольники поминутно бренчали.

– ... И тут ко мне в палату поступает очередной больной. Смотрю на него – блондин (а вы знаете как я к ним отношусь). Голубоглазый такой, с веснушками. И шрам у него на щеке выразительный. Лет ему пятнадцать – не меньше. Поначалу мы не ладили, но вскоре подружились. Побелке, как и мне, было дико скучно в больничных стенах, а еще, оказалось, он тоже сирота. Даже вакцинацию не проходил, – и Джон украдкой поглядел на друзей: их лица остались неизменными, эмоций никто не выражал, трудно сказать, слушали ли они вообще Сороку. – У блондина было имя, но я звал его Побелкой. Я спросил у него про шрам на левой щеке. И тут парень мне рассказал невероятную историю о том, как вывалился с балкона второго этажа, спасая шпица богатой хозяйки, которого нанялся выгуливать...

– Ну врет же всё, – сказала Сладкая, рассмеявшись в лицо Сороке.

– Да ничего он не врет! С чего ему врать? – Возмутился Сорока. – Парень заслужил мое уважение. Мы были в равных условиях, и я ему верю!

Тут уж все подхватили веселую ноту и посмеялись с доверчивости Джона Хафа.

– Друзья... Я вас не узнаю. Теперь причина вашего странного поведения ясна, Умник, ты был прав – у вас всех украли души!

Детский звонкий смех разразился еще громче и пуше прежнего – все просто заливались хохотом.

– Это все «Интро Индастриз», ребята, но вы не бойтесь! Я спасу ва... Джон не успел договорить, что хотел сказать друзьям, его перебил Умник:

– Послушай, Джон, может, ты не будешь окунать всех разом в озера твоей банальности с головой, достаточно того, что ты время от времени умываешь нас водой из них.

Джон стоял ошарашенный. Друзья смотрели на него, улыбаясь своей лживой стеклянной улыбкой. «В них нет души. Все это фальшивка! В корпорации им вынули души, а внутрь насыпали сухого льда», – думал про себя Сорока. Те, кого раньше он звал друзьями, сейчас показались ему безликими пустыми куклами. Эта ситуация напомнила мальчику день, когда он забрался, подобно всюду рыщущему мусорному коту, в заброшенный музей восковых фигур. Это было самое жуткое место, в котором маленькому Джону приходилось бывать. Пыль, вековые паутины, завешенные покрывалами экспонаты, укрытые в темной мрачности скрипящего здания – все здесь, и даже воздух, заставляло шевелиться волосы на спине. Стянув покрывала с нескольких экспонатов, Сорока оказался в весьма странной компании: известные всем, но не ему, восковые фигуры исторических личностей были как живые. Совсем не отличить в темноте. Тогда он почувствовал себя чрезвычайно, неопишимо одиноко среди пустых и жутких кукол.

Сейчас он испытал то же чувство, что и тогда в музее. Опустив ненадолго голову вниз, он приложил максимум уси-

лий, чтобы успокоиться и секунду подумать. На фоне все еще звучал назойливый раздражающий смех, но уже тише и, как будто откуда-то издалека. Сделав глубокий вдох, парень спокойно и тихо, с любовью в голосе, обратился к банде:

– Послушайте, друзья. Сейчас мои слова не достигают ваших сердец, и это ужасно угнетает меня, но все же... Все же я скажу вам, ибо хочу, чтобы вы знали. Знакомство с Вами – лучшее, что случилось за мои десять лет, и я не могу видеть вас такими. Клянусь всеми своими целыми пальцами, что придумаю, как вас спасти. Я спасу вас всех, – полушёпотом себе под нос закончил Джон.

Все, недоумевая, застыли с тупым удивлением на лице. Не дожидаясь реакции на сказанное, Сорока поправил тремя с половиной пальцами сальную челку, что все время лезла в глаза, бросил беглый взгляд на ребят, потом на Аттику и помчался прочь что было сил. Кто-то крикнул «постой», но Сорока уже был далеко.

Глава шестая

Знакомство с директором душ

Сорока, находясь в сквернейшем расположении духа, бежал долго без оглядки, пока вскоре перед ним вдалеке не показалось изумрудное озеро. Добежав до стороны, где озеро сильно подмыло берег, он уселся на край обрыва и опустил голову на колени. Нанесенная обида разъедала его душу изнутри. Но не прошло и пяти минут, как к нему подлетел «учетный работник». Учетными работниками назывались крупные черные квадрокоптеры, которые вели учет количества мужчин и женщин в городе, а также детей. Они определяли, к какому классу относиться гражданин, а также проходил ли он вакцинацию.

– Пожалуйста, оставайтесь на месте, пока компьютер сканирует Вас! – обратился электронный женский голос к мальчику. Сорока поднял голову и взглянул на квадрокоптер с камерой. Внезапно красный луч из дрона пробежался по телу Сороки и также внезапно исчез.

– Внимание! Внимание! – зашумел электронный голос, – Обнаружен не проходивший вакцинацию! Вам необходимо в ближайшее время явиться в главное здание «Интро Индастриз» с 9:00 до 18:00 для прохождения вакцинации!

– Убирайся прочь, консервная банка! – завопил в ярости

Сорока. Он в мгновение ока вынул из коробки универсальный молоток и пригрозил дрону. – Не то я тебе устрою вакцинацию прямо здесь вот этим тупым предметом!

– Вы отказываетесь проходить вакцинацию? – Спросил Учетный работник.

– Да, я отказываюсь!

– Ожидайте. С вами желает связаться Генеральный директор «Интро Индастиз».

Сорока был удивлен таким поворотом событий. Он никак не ожидал подобного внимания к своей персоне. Но тоже желал пообщаться с этим человеком. Тут учетный работник выдал какой-то скрип и гудки, напоминавшие соединение при звонке по телефону, и из квадрокоптера через электронный микрофон раздался низкий и сухой мужской голос:

– Не уж-то, Джон, ты и вправду решил, что можешь увернуться от вакцинации? – Неприятный, на слух тяжелый голос директора заставил внутри Джона все перевернуться, в животе заныло, и мурашки побежали по его спине, – Чем же тебе, будь добр объяснить, так не нравится наша процедура? Неужели, ты не хочешь вырасти здоровым и крепким юношей? Ты ведь только недавно переболел воспалением легких.

«Но как он узнал?!» – подумал про себя Сорока.

– Сейчас, ты верно думаешь, откуда мне все это стало известно, я ведь прав?

Изумление и злость выступили в виде жуткой гримасы на

лице мальчика.

– Я знаю обо всем, что происходит в городе, ибо весь этот город целиком и полностью принадлежит мне.

– Но тебе не принадлежат наши души... – прошипел сквозь зубы Сорока.

– Что ты там бормочешь? – переспросил голос.

– Я сказал, – в этот раз громко и нагло обратился мальчик, собрав всю храбрость в кулак, – Что тебе не принадлежат наши души, подлец! Думаешь, тебе все сойдет с рук? Так знай же, мне все известно о том, что творится в вашей компании!

Сорока обнажил плотно сжатые два ряда зубов. В его глазах блестела ненависть:

– И я обещаю остановить тебя, подонок, и вернуть украденные тобой души моим друзьям! А я, – Сорока ударил себе в грудь рукой с универсальным молотком в коробке, – Всегда сдерживаю данные мной обещания, клянусь оставшимися целыми пальцами.

Из зависшего над обрывом дрона раздался злой издевательский смех:

– Кто остановит? Ты что ли? Да с кем ты думаешь разговариваешь, букашка?!

В голосе директора слышались задетое эго и неприкрытая злость.

– Да чтобы я, Курт Верт Интро, полноправный хозяин этого города и владелец корпорации, что кормит его жителей, уступил какой-то бездомной собаке вроде тебя?! А-ХА-ХА!

Чем же ты собрался меня остановить, глупый, грязный, мелкий голодранец? Этим молоточком, быть может? Из «учетного работника» вновь посыпался звонкий смех.

На глазах мальчика выступили слезы, блестящие, соленые, предательски выдавали стыд и обиду, которую испытывал в тот момент маленький храбрец. Директор сделал паузу, чтобы снова привести эмоции в перманентное состояние покоя. Подобное поведение было чуждо ему, потому далее он спокойно продолжил:

– Значит, вот как мы поступим: ты явишься в воскресенье в 18:00 ко мне на прием. Я объясню тебе, для чего необходима процедура и сколько пользы ты из нее вынесешь. Я и сам не понаслышке знаю, как сложно и неприятно быть непохожим на остальных. В моих силах сделать тебя правильно подходящим для компании твоих друзей. Разве это не будет здорово? В общем, подумай, время у тебя есть до воскресенья. Второй вариант тебе не понравится.

Не дожидаясь ответа мальчика, квадрокоптер круто повернул и улетел прочь.

Глава седьмая

Мрачнейшая из башен

После разговора с генеральным директором Сорока, мрачный и бледный как труп, направился в «Бессонницу» залить свою печаль стаканом-другим свежего молока.

Войдя в кафе, вороватый мальчуган с радостью обнаружил, что Гарри Норсвуд отсутствовал на рабочем месте. Поэтому ничего не помешало ему занять любимый барный стул за стойкой. Его с улыбкой на лице встретила милая Джейн. Поприветствовав столь драгоценного посетителя, она принялась расспрашивать о том, что произошло. Что-то произошло, и это было отчетливо видно на лице Джона.

– С учетом сложившихся обстоятельств наше кафе готово предоставить Вам кредит на пару стаканов молока, – шуточно подбадривала девушка поникшего юношу. Разумеется, Джон не стал тяготить юную великодушную подругу своими рассказами, его больше интересовали мысли о завтрашнем дне и предстоящей встрече.

За соседним столиком двое зрелых мужчин лет пятидесяти вели непринуждённый диалог о трудностях работы с электрическими сетями. Из случайно подслушанного Сорокой разговора мальчик подчеркнул, что оба мужчины работают электриками в злосчастной корпорации. На углу столика ле-

жала небольшая книжонка, которая была просто необходима в работе этим двум инженерам. «План здания» – надпись крупным шрифтом четко давала понять о содержимом.

Внезапно входная дверь распахнулась – и звон дверного колокольчика на мгновение заполнил помещение. То был эпатажный Итан Роджерс, который всегда предпочитал феерично появляться на публике. По традиции, он и сегодня не забыл свиснуть и отвесить какую-то пошлую нелепость.

Но плевать на идиота Итана. Его появление заставило всех обернуться, и в этот момент... из-под скатерти стола, за которым вели беседу два электрика, на мгновение выглянула небольшая детская рука с тремя с половиной пальцами. Эта рука тихо и мягко нащупала книжонку и, ухватив её, мгновенно скрылась под столом. Когда Джейн вынесла очередной заказ с кухни, Джона уже не было.

Настал тот самый – не самый приятный день. Под толстыми стеклянными дверьми черного многоэтажного здания стоял мальчик, чью личность без труда можно было определить по небольшой полоске мазуты на щеке. На ногах Джона были надеты новехонькие кеды Умника, которые Сорока стащил прямо из прихожей друга. Но все в порядке, не волнуйтесь. Сорока оставил записку с парой слов, начёрканных с ошибками корявым почерком: «На благое дело. Обязуюсь вернуть». Еще Джон обзавелся широким кожаным строительным ремнем с десятком отсеков для различного инструмента, естественно, о котором мальчик всегда мечтал.

Ремень тоже, предположительно, не подарен был работником металлической свалки. Записки работник не получил. В один из отсеков на правом боку Джон вложил свой универсальный молоток, а маленькие отделения заполнил пятью насадками для своего железного соратника.

Автоматические стеклянные двери разъехались перед мальчиком – и из них выехали две вешалки.

– Пожалуйста, следуйте за нами, – вежливо обратились шароголовые роботы электронным голосом. Сорока подчинился. Пройдя сквозь скучное серое фойе, они направились к лифту. И стали медленно подниматься вверх. Ничего здесь не понравилось Сороке, кроме, разве что одного. Песня в лифте была замечательной. Из динамиков играла Jefferson Airplane – Somebody To Love. Лифт остановился на тридцать втором этаже. Этот этаж был последним. Вешалки привели Джона к замечательной дубовой двери с ручной гравировкой.

– Господин Интро, прибыл Джон Хаф.

– Пускай войдет. – Поступил неспешный ответ от директора.

Послышался специфичный звук «Пи-и-п» – и дверь открылась. Из кабинета повеяло сжатым затхлым воздухом. Джон вошел. Глаза не сразу привыкли к полумраку, царящему в комнате. Шторы на окнах были задвинуты, свет едва попадал в помещение. В конце комнаты стоял широкий деревянный стол, а за ним сидел генеральный директор –

Курт Верт Интро. В глаза сразу же бросилась неестественная бледнота его кожи. Казалось, она годами не видела солнечного света. Желтые глаза с мешками были глубоко посажены. Взгляд уставший и слегка безумный. На вид ему было около пятидесяти пяти. Прическа короткая, аккуратная, с зачесом на правый бок. Гладко выбритое строгое худощавое лицо и прямоугольные очки на носу, в которых отражался свет развернутого перед ним ноутбука. Благодаря глубоким морщинам он казался старше, чем был. «Очень болезненный вид», – подумал про себя Сорока, – «Еще бы! Столько желчи копить в себе».

– Так что же, Джон? – Обратился к мальчику холодным и низким голосом директор, – Ты образумился и решил добровольно пройти вакцинацию, или будем пробовать по-плохому?

Джон держался гордо и начал разговор наравне с господином Куртом Интро:

– Первым делом, я хотел бы извиниться перед Вами за оскорбительные слова, которые я направил в Ваш адрес. – Директор Интро переменился в лице – он никак не ожидал подобного ответа, – Видите ли, в тот момент я очень переживал за своих друзей, и потому позволил себе говорить сгоряча. Но, вернувшись домой, я все как следует обдумал и признал очевидную пользу вакцинации.

– Мальчик! – Курт Верт Интро вскочил из-за стола и сделал жест руками – шароголовые вешалки тут же неуклюже

удалились и закрыли за собой дверь, – Я приятно удивлен переменами в тебе! Возможно, ты старше, чем я думал, и разумнее.

Курт Верт Интро направился к Сороке. Телосложение у него было тоже неприятное: длинные худые руки и длинные худые ноги. Крупные, но подстриженные ногти на тонких вытянутых пальцах. Он приобнял за плечо мальчика и проводил его к креслу напротив своего, со словами:

– Теперь, когда ты проявил свое здравомыслие, незаурядный ум, и... О, главное – воспитание! Какое воспитание... Теперь я могу объяснить, для чего, собственно, необходима данная процедура. Присаживайся.

Джон сел в предложенное ему кресло, а директор в свое. Его стучащее костями тело идеально заполнило все старые вмятины в кожаном кресле.

– Да, я все еще не до конца понимаю необходимость данной процедуры.

Курт Интро стал объяснять, то и дело, подкрепляя свои слова жестами рук.

– Видишь ли, придуманный мною метод, от вакцинации и до момента изъятия, создан с целью избавить человека от вредных излишних качеств. Сделать его более спокойным, мене инфантильным и импульсивным, что очень часто мешает нам в отношениях и на работе. Уходят дурные мысли и внезапные идеи. Непредсказуемые поступки – от них только вред. Зачем испытывать ненужные страдания по различным

пустакам. Человек становится более...

– Скучным? – перебил его Сорока.

– Эм... более рациональным, понимаешь?

– Теперь, да. – ответил Джон.

– Ну что же, не будем терять время понапрасну! Проходи на процедуру, это займет не более двадцати трех минут. А после возвращайся ко мне, я все тебе тут покажу.

В кабинет вернулись два робота, и директор попросил их сопроводить Джона на процедуру. Они спустились на минус второй этаж под землю. Войдя в белую комнату с люминесцентными лампами и белыми стенами (цвет, который так раздражал Сороку еще с больницы), его попросили снять лишние предметы, в том числе и пояс, и выложить на стол. После они подошли к специальному креслу. В комнате вешалка с красным крестом на том месте, где у людей обычно лицо (очевидно, он был кем-то вроде врача), пригласил жестом мальчика сесть в специальное кресло. Джон повиновался. Другие вешалки покинули помещение. Но, когда вешалка-врач поднес шприц со снотворным к его руке, Сорока внезапно вскочил с кресла, оттолкнул робота и молнией помчал из комнаты, прихватив по пути пояс с молотком.

Пулей вылетев из процедурной, Сорока хотел рвануть вперед по коридору, но ожидавшие его две вешалки кинулись в сторону парня, тот, не растерявшись, ударил наотмашь молотком одного и второго и, вырвавшись с криком: «Лапы прочь, банки консервные!», помчался к лифту. Этот

лифт не следовал в место, куда стремился Сорока, но ему это было и не важно, Джон действовал по плану. По плану здания, который он детально изучил за ночь у себя в фургоне.

Время было сильно ограничено. Руки мальчика дрожали от страха: «Меня неминуемо поймают», – крутилась мысль в голове. «Да неет! Не бывать этому! – стал уже вслух успокаивать себя мальчик, – «В кои-то веки мои воровские навыкигодились для благородного дела». Джон бормотал себе под нос, одновременно откручивая насадку молотка с рукоятки и прикручивая плоскую отвёртку. Закрепив её, Джон принялся откручивать болтики с металлического люка, расположенного в полу лифта. Красную кнопку «СТОП» Сорока нажал на первом этаже. Это он сделал для того, чтобы вешалки ошибочно решили, что мальчик пытается сбежать из здания. На самом деле у него и в мыслях подобного не было. Оказавшись в шахте лифта, Джон мастерски перепрыгнул на стальной канат, а с него – на пожарную лестницу. И не спеша съехал по ней на три этажа вниз. Этот лифт располагался в крыле «А», он был самым мелким. Шахта заканчивалась на минус третьем этаже. Нужный же глубокий лифт находился в крыле «С». Туда-то и собирался Джон.

По специальным браслетам вешалки доложили о побеге юного Джона. Это новость привела директора Курта Интро в бешенство. Ведь он всерьез подумывал о том, чтобы сделать Сороку последователем своего дела и полноценным правопреемником. В приступе гнева он бросился на старших ве-

шалок. Досталось всем! И начальнику охраны, и его шести заместителям:

– РАЗЫСКАТЬ! ПОЙМАТЬ! – кричал директор, трепля за тонкие металлические плечи ни в чем не повинных роботов. Шароголовые только и переглядывались друг с другом, глядя недоумевающим взглядом то на соседа, то на директора, – Притащите его ко мне немедленно, я преподам этому сорванцу урок, который он никогда не сможет забыть! Роботы понеслись по коридорам в разные стороны, передавая требования директора Курта через наручные браслеты.

Тем временем, Сорока при помощи насадки «гвоздодёр» смог разжать дверь шахты лифта и помчал через весь коридор подземного этажа. Его целью было найти лестничную площадку крыла «В». Но из-за поднятой тревоги, вешалки быстро обнаружили, что Джона нет на первом этаже. Лестничная площадка уже была видна впереди, но тут, откуда ни возьмись, коридор стали заполнять роботы, повторяя электронным голосом «Обнаружен нарушитель, обнаружен нарушитель!». Джон повернул на 180 градусов и помчался назад, дергая за дверные ручки офисов, находившихся на этаже. Один из них оказался открытым. Ручка поддалась, и дверь отворилась. Сорока тут же нырнул внутрь, захлопнул дверь и разбил молотком электронный датчик слева от двери. Контакты закоротило, и замок автоматически заблокировался. Офис был довольно просторный на двадцать три рабочих места, не меньше. «Придется использовать план «Б» – подумал

про себя нарушитель.

Действовать нужно было быстро. Роботы, столпившиеся за дверью, вызвали вешалку-инженера, и, судя по звукам, он уже принялся лазерным резаком удалять замок. Джон быстро оглядел стены офиса:

– Есть! – сказал он себе с улыбкой.

На высоте около двух метров находилась металлическая вентиляционная решетка. К стене он поставил стул. Забравшись на него, Джон достал решетки. Насадкой «гвоздодёр» он подцепил её край и попытался вырвать решетку. Но это оказалось сложнее, чем предполагалось. Решетка не хотела поддаваться. Тогда Сорока уперся в стену обеими ногами и стал изо всех сил тянуть за рукоятку молотка. Крик превозмогающего, маленького человека вырвался из его легких. Сработало. Проклятая решетка оторвалась и вместе с мальчиком полетела на пол. Угодив спиной в паркет, Джон сильно ударился, но не подал виду. В этот момент в комнату ворвались вешалки. Вскочив на ноги, мальчик, подобно дикому коту, с разгона впрыгнул прямо в квадратное отверстие вентиляционной шахты и стал быстро карабкаясь пробираться вперед. Обернувшись, он только и видел провожающих его взглядом роботов. Плана вентиляционной шахты у него не было. Пришлось двигаться наугад. Такой способ передвижения, мягко говоря, не доставлял никакого удовольствия и сильно замедлял.

Так Сорока полз, по меньшей мере, полчаса. По пу-

ти встречались различные решетки, ведущие в опустевшие офисы и мрачные кабинеты. Большая часть из них были напроочь заброшенными, в некоторых работало освещение. В других роботы выполняли запрограммированные различные функции: уничтожение испорченной бумаги, заготовка и доставка бутылок с водой в офисы на верхних этажах, уборка в архивах. И дураку понятно, что ранее, несколько лет назад, здесь кипела жизнь. «Возможно, это мрачное место не всегда было таким мрачным», – подумал про себя мальчик.

Наконец, была найдена нужная вентиляционная решетка, которая вела в коридор крыла «В». Зажатый в узком пространстве, Сорока с трудом развернулся в шахте. Попробовал выбить её ногой. В конце концов, она слетела с болтов и с шумом грохнулась на пол. Джон установил на молоток насадку «шило», толстый колющий наконечник – для готовности применить контрмеры в случае своего обнаружения – и спрыгнул вниз. Потом медленно подошел к углу стены, чтобы посмотреть, что ждет его там. В этот момент позади Джона, в конце коридора появились два учетных работника. Прилетевшие на шум дроны, мигом обнаружили нарушителя и тут же сообщили всем о месте положения разыскиваемого. Холодный пот пробрал мальчика до костей: «Засекли. Бежать – других вариантов нет», – подумал он про себя. И Сорока, завернув за угол, помчал со всех ног по коридору. Жужжащие лопастями квадрокоптеры полетели за ним вдогонку. Впереди был перекресток. «Не помню куда: нале-

во... или на право, – спросил себя Сорока, – Налево!» Сорока готов был повернуть налево, но из-за угла быстро приближались пять вешалок, и пара учетных работников по бокам. Возглавлял их злой как черт похититель душ. «НАПРАВО! Направо!» – проговорил себе Джон, и в попытке резко повернуть поскользнулся и упал. Тут же, вскочив на ноги и помчавшись вперед, он обнаружил очередное препятствие впереди в виде зависшего в воздухе дрона. Но мальчика это не остановило. Разогнавшись, как следует, он упал набок перед самым учетным работником, и проскользнул под ним, продолжив дальше бежать, как ни в чем не бывало.

– Заблокируйте дверь! – скомандовал системе, потерявший всякое терпение, директор.

Датчик на автоматической двери загорелся красным, и дверь с обоих боков стала медленно закрываться: «Пожалуйста... Только один... Один точный бросок» – молитвенно обратился Джон к металлическому инструменту в своей правой руке. Замахнулся... и метнул «универсальный молоток» через весь коридор. Тот, пролетев, по меньшей мере, метров пятнадцать, впился закрепленным на нем острым металлическим жалом в электронный щит ввода данных. На пол просыпались искры. Казалось, что сама богиня удачи поцеловала этого мальчика в макушку, так как дверь заклинило. Она стала закрываться медленней, постоянно ритмично подёргиваясь. Добежав до двери, Сорока выдернул из щитка любимый инструмент и, обернувшись, взглянул в лицо директора

Курта.

Их взгляды встретились, подобно столкнувшимся друг об друга ледникам. Оба были тверды и холодны в своих бескомпромиссных решениях: всегда, во что бы то ни стало идти до конца. Они слишком заняты собственной гордостью, чтобы рассмотреть, что твердый блестящий взгляд полузакрытых глаз и дерзкая недовольная физиономия зеркально отражались в их лицах. Закрываясь, автоматическая дверь никак не могла понимать, что происходит в этот момент и препятствием для каких событий она смогла являться в тот роковой день.

Когда же дверь захлопнулась, директор развернулся и громко зашагал по коридору, его металлическая свита последовала за ним.

– Пускайте собак, – всего-то сказал он. Вешалки перепугано переглянулись – данные меры казались им слишком жестокими. Как ни крути, а это всего лишь десятилетний мальчик. Но деваться было некуда, и они подчинились. Старшая вешалка передал по браслету приказ системе.

– Пустить собак по следу в крыло «В».

В этот момент Сорока, простившись взглядом с директором, поправил тремя с половиной пальцами сальные черные волосы, что постоянно лезут в глаза, и побрел по коридору, вспоминая по ходу план зала. Разобрав электронный замок очередной двери при помощи отвертки, он попал внутрь просторного, но очень холодного зала. Осмотрел помещение

с гигантскими черными блоками, из которых направо и налево свисали длинные косы разноцветных проводов, плотно переплетенных друг с другом. К расположенным протяжными рядами блокам была присоединена специальная система охлаждения, парень пришел к выводу, что попал в сердце электронной системы здания. И не ошибся – это была серверная.

«Сейчас все здесь починим... как я умею» – подумал про себя Сорока и принялся крушить универсальным молотком все, что только попадало под руку. Электронные блоки шипели и металы в стороны искры. Данное развлечение привело к тому, что включилась аварийная система оповещения. Вышли из строя системы охлаждения, жизнеобеспечения и масса других важных программ. По углам помещения сработали оранжевые лампы противопожарной системы. Все здание, как один живой организм, стало бить тревогу, оповещая о приближающейся опасности.

«КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ. ОШИБКА», – то и дело повторял роботизированный безэмоциональный женский голос, – «КРИТИЧЕСКИЙ СБОЙ. ОШИБКА».

Два железных круга радиусом где-то в тридцать два сантиметра, вмонтированные в стену у двери, внезапно открылись. Это привлекло внимание нашего вредителя. Из круглых отверстий выкатились два плотных металлических шара и с шумом упали на пол. Интуиция Сороки взбунтовалась. «Что бы это ни было – это что-то нехорошее. Пора уносить

ноги» – подумал он про себя. В этот момент два железных шара ожили и покатались в направлении Джона. Это и были те самые собаки, которых спустили на юношу. Но, разумеется, он понятия не имел, что это, и как оно работает. Достаточно было довериться своему чутью, а чутье у Сороки было чрезвычайно развито. Эта способность является необходимой, если тебе приходится прибегать к воровскому ремеслу.

Джон кинулся прочь к двери, противоположной той, в которую он вошел. Шары устремились за ним. Так как сработала аварийная система, все двери здания автоматически раскрылись. Покинув серверную, Сорока устремился в шахту для сломанных деталей вешалок. И он практически успел, но один из шаров настиг его и, оказавшись максимально близко у ног мальчика сработал. Вся поверхность шара в мгновение обросла сотней выдвижных металлических игл, в пятнадцать сантиметров длиной. Часть этих игл глубоко впились в правую ногу Сороки. Мальчик завопил от резкой боли. Ему пришлось немедленно отдернуть ногу в сторону и броситься в шахту, опередив приближающийся второй шар. Шахта была практически вертикальной и, пролетев с огромной скоростью метра двадцать три, Сорока, не растерявшись, со всех сил ударил острым концом универсального молотка в тонкое алюминиевое полотно шахты. Разрывая металл по пути вниз, ему удалось замедлиться и избежать серьезного падения. Подобный исход был крайне нежелателен, так как внизу

его ждала тележка с острыми деталями роботов. Аккуратно спрыгнув в сторону, Джон осмотрел свою рану. В ноге оказался, по меньшей мере, десяток кровоточащих отверстий. Он аккуратно оторвал от своей футболки полоску ткани в двадцать сантиметров шириной и перемотал рану. Теперь быстро передвигаться стало гораздо сложнее. Удаляясь, бедный Сорока хромал, оставляя за собой след из красных капель. Но была и хорошая новость. Наконец, юный вентиляционный волк достиг крыла «С» и немедленно направился сквозь широкий темный коридор к гигантской двери. Ржавая дверь открывалась вручную и не без усилий. Когда Джон попал внутрь, открывшаяся картина повергла его в шок и неопиcуемый ужас. Но при этом вид нельзя было не признать завораживающим. Смелчак оказался на железном мостике на высоте метров пятидесяти, в огромном цилиндрическом помещении, потолок которого возвышался еще на пятьдесят метров над мальчиком. Железный мостик замыкался в особый странный круг. Он протянулся вдоль всей стены помещения. На противоположной стороне мост ответвлялся и поворачивал под углом в 45 градусов, вытянувшись прямоком в центр цилиндрического здания, заканчиваясь на середине чего-то, напоминающего пульт управления. Снизу этот небольшой балкончик подпирала длинная толстая труба с маленькой вертикальной лесенкой, которой уже давно не доставало сгнивших ступенек. А внизу...

Внизу сотня тысяч горячих, светящихся ярко-мандари-

новым светом человеческих душ, закованных в небольшие прозрачные шарики, напоминающие пластиковые шары для хомячков, были просто сгружены в одну огромную гору. С боку, чуть ниже Сороки, находилось круглое отверстие, по трубковидному каналу которого изъятые души легко и быстро доставлялись в хранилище. Их было так много, что от испуга Сорока всерьез волновался за свое сердце – трепещущий орган неумолимо стремился выпрыгнуть из груди, ритмично щекоча ребра.

Освещение в этом сумрачном месте практически отсутствовало: подсветка вдоль моста да крупный фонарь над пультом управления. Железные, покрытые коррозией стены тускло отбивали яркий оранжевый свет мандариновых пузырьков, мирно покоящихся на дне этой «бочки». Действительно, здание сильно напоминало бочку изнутри. Металлические пластины, из которых состояло внутреннее покрытие, отслаивались, а местами даже отпадали и с шумом ударялись об пол. Сквозь щели между ржавой арматурой, из которой был сварен весь хрупкий мостик, капли крови с ноги Сороки падали прямиком на сферы с похищенными душами. Отовсюду чувствовались толчки и слышались взрывы. Здание совсем вышло из-под контроля и постепенно разрушалось. Сигнальная сирена жутко бесила. «Нужно торопиться» – думал Сорока, осознавая тот факт, что рискует быть погребенным в этом проклятом месте.

Он ковылял как мог, волоча больную правую ногу. Опи-

раясь на перила, Сорока уже прошел большую часть пути, когда в «бочку» вторгся нежеланный гость. Это был директор.

– Посмотри, что ты натворил, маленький мерзавец! – вопил в ярости Курт Верт Интро.

Директор был очень болезненным, худым и слабым, в до-весок ко всему, у него поднялось давление. Потому быстро догнать Сороку он не мог. Хватаясь за перила, чтобы не свалиться вниз при очередном толчке, он стал продвигаться в направлении маленького сорвиголовы. Одна из отслаивающихся пластин со свистом пролетела возле него.

– Как же ты не видишь! Я собственными усилиями сделал город лучше! Сделал лучше людей! А ты...

– Ты не сделал их лучше, лжец! – перебил его Сорока, – Ты собственноручно лишил их возможности быть добрыми и чувственными. Они мучаются и обречены быть несчастными.

– Дурные эксцентричные идеи ведут к ужасным непредсказуемым последствиям! – возражал директор, глядя, как Джон подобрался практически вплотную к пульту управления.

Наблюдая за тем, как вот-вот весь мир безумного директора будет разрушен, тот, управляясь ненавистью, внезапно ускорился. Подобно свирепому зверю, он шипел и скрипел зубами, подбираясь к Джону. Малец, в свою очередь, благополучно добрался до центра управления и на специальной

панели обнаружил крупную красную кнопку под небольшим стеклянным куполом, укрытым белесой пылью. Зная немного о приборостроении, он догадался, что именно эта кнопка заставит замки на прозрачных шарах, служащих тесной тюрьмой для человеческих душ, раскрыться.

– Остановись же, безумец! – взмолил Курт Интро Джона, до которого оставалось еще метров десять, – Ты всегда будешь для них чужим, никто тебя никогда не поймет... И не примет!

– Нет, – отвечал спокойно Джон, – Это тебя никто не понимал и не принимал твою скучную рациональную натуру. Тебе было чуждо поведение свободолобивых активных людей. Ты был не похож на них, и потому... Джон на секунду замолк, полностью осознав мотивы этого мерзкого эгоистичного существа, – ...И потому ты решил сделать их похожими на себя.

Глаза директора широко распахнулись, лицо вытянулось от удивления. Его нижняя губа задрожала, и в груди что-то закололо. Где-то в глубине души, Курт Верт Интро понимал, что этот беспалый мальчишка прав.

Именно в этот момент, размахнувшись как следует, Джон, держа универсальный инструмент обеими руками, врезал что было мочи по красной кнопке. Осколки стеклянного купола разлетелись, и кнопка вспылала ярко-красным цветом. Джон посмотрел вниз. Спустя несколько секунд тишины, прозрачные пузырьки стали резко с характерным трес-

ком открываться, отстреливая в стороны, как жареный попкорн на сковородке. Сначала одна, потом вторая, третья... Сферы раскрывались все быстрее и быстрее, и вскоре освобожденные огнехвостые души пролетали мимо двоих на мостике, устремляясь вверх. Кроме специально разработанных сфер, ничто материальное не могло служить препятствием для призрачной субстанции. Души без проблем проникали сквозь стены и потолок в направлении своих хозяев.

Директор со спокойнейшим лицом взглянул на Сороку. Он сжал губы, кивнул и таким же спокойным, даже слегка веселым голосом, сказал:

– Я тебя задушу, – и стал приближаться к мальчику, вытянув руки вперед.

По лицу директора Сорока понял, что сейчас будет твориться. Ему стало страшно. Но мысль о совершенном им благом деянии успокаивала его и подогревала изнутри. Объясняя, что данная жертва безусловно стоила того, он встал. Выпрямился во весь рост и пошел, хромая и обреченно смотря на треклятого мерзавца директора. «Будь что будет» – подумал смельчак и сжал покрепче старый добрый молоток.

Они не спеша двигались по расшатанному мостику навстречу друг другу. И вот, еще мгновение для короткого вдоха, и цепкие холодные руки остервенелого директора впились в горло мальчика. Сорока безуспешно отчаянно боролся. Почему спросите вы: да все банально просто. Сухие и чистые руки Курта Верта Интро, вероятно, всю жизнь были

обильно утерты антибактериальным антисептиком, и он никогда не прикасался прежде к вспотевшей шее в машинном масле. Они поменялись местами – и в этот момент Сороке удалось выскользнуть. Внезапно сверху прямо в мостик угодила тяжелая железная пластина. Она не выдержала тряски здания и сорвалась безмолвно в пропасть. Прорвав кусок мостика как марлевую ткань, пластина поспешила на дно бездны. Никто, в том числе пластина, подумать не мог, что заберет с собой сумасшедшего директора. Но это произошло. Худой слабый директор не устоял – все это для его истощенного организма было слишком внезапно. Он не успел ухватиться за край мостика, в отличие от Джона, и с криком скрылся во мраке бесконечной тьмы. Джон же, зацепившись молотком за мостик, повис над бездной, крепко сжимая обеими руками рукоятку. Все эти злоключения и путешествия сильно измотали его, и сил подтянуться не осталось. Так он висел на краю моста, провожая взглядом последнюю пару сотен освобожденных им душ. Висел мальчишка с четким осознанием того, что ему пришел конец. Слишком часто он шутил со смертью, проверяя на прочность ее терпение. Никогда не знаешь, что готовит тебе судьба, но тебе неминуемо придется все это съесть. Необходимо признать: картина была завораживающей: «Так красиво... Я даже не против, если это последнее, что я увижу», – думал про себя мальчик.

От набравшихся соленой жидкости глаз, все вокруг казалось мутным, но он все же смог разглядеть пару силуэтов,

проникших в помещение.

– СОРОКА! – раздался голос со стороны входа.

– Я ЗДЕСЬ! – отчаянным криком вырвались слова из его груди.

– Держись там, мы идем!

Двумя силуэтами оказались Побелка и Умник. Блондин живо подскочил к месту, где пластина оторвала кусок моста, склонился и схватил Джона за руку.

– Сейчас мы тебя вытащим! Потерпи.

Умник потянул Побелку на себя, и вместе они выволокли Сороку из лап зловещей неизбежности.

– Ребята-а! Как я рад вас видеть! – сказал заливающийся слезами счастья Сорока.

– Побереги силы. Если сейчас же не уберемся отсюда, то сгинем все трое. – Сказал серьезным голосом Побелка.

Друзья подхватили под руки Джона, и направились к выходу:

– Ты знаешь, я испортил твои кеды. – Сказал Сорока, глядя снизу вверх на друга, который целеустремленно тащил его под руку.

– Да и черт с ними! Идиот! Это сейчас не имеет значения, – ответил Умник, глядя строго вперед.

Здание рушилось, как если бы его стены были из печенья. Трое смельчаков только и успевали уворачиваться от падающих ламп в коридорах, отваливающихся кусков стен и пробираться сквозь трещины в завалах. По пути им встречались

куски вешалок и сломанные учетные работники. Наконец, выбравшись наружу и отойдя на безопасное расстояние от черной многоэтажки, три друга свалились на траву. Взору троицы открылось все великолепие рушащейся исполинской конструкции под известным названием «Интро Индастриз».

– Но как вы меня нашли? – Сорока задал надоевший ему вопрос.

– Это все Побелка! – сказал Умник.

– Видишь ли, – стал объяснять блондин, – Выписавшись из больницы, я захотел повидать своего сокамерника, а когда узнал от твоих приятелей о сумасбродных заявлениях, которыми ты сыпал направо и налево, вспомнил историю о старшем брате Умника, которую ты рассказывал в больнице. И тут меня захлестнуло чувство тревоги. Знаешь, как говорят, «сердце не на месте»?

– Это тебе твоя душа подсказала, – перебил его Джон.

– Выходит, что душа, – улыбнувшись, подтвердил Побелка, – Так вот, в тот же момент я твердо решил искать тебя в «Интро Индастриз». И прихватил очкарика с собой.

Он хлопнул от души Умника по спине:

– Эту бездушную скотину поначалу пришлось волочь под угрозой кулака, но когда душа вернулась к нему, парнишка быстро включился в суть дела.

– Ага, прости Джон, но когда у тебя отсутствует душа, ты лишаешься возможности правильно рассматривать ситуацию – только скупой холодный расчет.

– Обещаю вам, господа! – обратился к друзьям Сорока своим привычным псевдосерьезным голосом, – За мое спасение я в долгу не останусь!

– Ой, да брось ты! – махнул рукой умник.

– Месяц! Да-да, месяц вы будете пить свежайшее молоко с печеньем за мой счет в «Бессоннице»!

И все трое мальчишек залились громким добрым смехом, напрочь позабыв, что лето подошло к концу.

Эпилог

С тех самых пор, когда город Н*** был потрясен чрезвычайными событиями, прошло два месяца. Шумиха вокруг истории с похищениями душ улеглась, как некогда поднятая пыль ураганом. Теперь же все вернулось на круги своя. На окраине города можно было наблюдать восстановительные работы вокруг полуразрушенного здания, еще недавно бывшего корпорацией Интро. (Кстати, согласно проекту застройки, новый цвет здания решили сделать оранжевым).

И вы бы без труда нашли внутри города двухкомнатную квартиру мальчика Джона, почетно даренную ему главой города Н***. И узнали бы также, что жителям обещано открыть в скором времени на площади в центре города, между пересохшим фонтаном и треснувшим банком, памятник мальчику с молотком.

Покинув в обед свою новехонькую обитель, еще пахнущую ремонтом и мебелью, Джон Хаф бы заправил универсальный молоток в строительный пояс, что отныне всегда был на нем, и направился бы на улицу, где его уже ждала банда. Он бы не особо изменился, не поймал бы гордыню, как говорится, и не зазнался бы. Остался таким же веселым и справедливым раздолбаем, каким и был всегда. Но ничего из этого не произошло.

Сами подумайте, ну кто бы принял историю двух десяти-

леток и сироты за чистую правду? Как бы ни распинались Побелка с Умником, никто им не поверил. Из-за катастрофы в корпорации Интро жителям города вернулись украденные души. Кто мог поверить, что причиной всего этого стал десятилетний бездомный мальчик. Вздор! Но милая Джейн, разумеется, поверила голодранцам, она вымолила у Нотсвуда праздничный ужин за её счет.

Воссоединившись с друзьями, первым Сорока услышал голос Сладкой:

– Вот он, – сказала стеснительная скромняшка и покраснела, – Наш герой.

– Герой-то герой, а в свободное время – геморрой. – Как обычно, издеваясь, пронудела Горькая.

– Не стоит сравнивать близких друзей с серьезными хроническими заболеваниями – сумничал Умник, как обычно.

ЛикМик-Так с полным ртом шоколадного батончика тоже что-то невнятно промычал и рассмеялся. Даже Хромой улыбнулся, так как он единственный разбирает лепет своего пухлого друга, когда тот жует (а жует он часто).

– Куда пойдём? – спросил Умник у Джона.

– Сейчас встретим Аттику, а потом в «Бессонницу», там нас будет ждать Побелка.

Банда весело зашагала по улицам восстанавливающегося после войны города. Не прошли они и трехсот метров, как завидели издали идущую навстречу Аттику. Она была все также исключительно по-своему великолепна. Локоны цве-

та спелой черешни весело подпрыгивали на ходу. Белоснежное кружевное платье, притягивающий взгляд выразительных глаз, нежная улыбка и доброе сердце – в общем, все то, во что так безнадежно был влюблен Сорока – это все Аттика. Да-да, именно влюблен, теперь Джон четко осознавал свои чувства и не стеснялся их. «Сегодня я точно её поцелую. Ведь после всего пережитого мне стыдно и не пристало бояться девушки», – думал он про себя. Когда они встретились, Аттিকা протерла рукой щеку мальчика, где как положено, уже вполне законно располагалась тонкая полоска мазуты, и поцеловала Джона в щеку. Тот в свою очередь крепко обнял и бесцеремонно поцеловал девочку в губы. До-олго так, с закрытыми глазами, как это делают взрослые. Но открыв глаза, он отскочил назад с криком:

– Ах ты, паршивая шавка!

– Что-о-о-о! – возмутилась шокированная девушка.

– Клянусь всеми своими целыми пальцами, это та самая псина, что мне мизинец с безымянным отняла!

Все замерли в недоумении. А Джон, ловко выхватил молоток с ремня на поясе и помчался за перепуганным псом, на ходу поправляя тремя с половиной пальцами челку, что вечно лезла в глаза.

– погоди, Сорока! – кричали дети, пытаясь достичь стремительно удаляющихся мальчика-героя и собаку-воровку, но их голос едва доставал ушей Сороки.